

А. Г. Лякидэ

ВЪ ОКЕАНЪ ЗВЪЗДЪ.

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ОДИССЕЯ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1892

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПЛЕНИЕ.....	1
ПОСЛАННИКЪ БОГОВЪ.....	9
БОГИНЯ ЛЮБВИ.....	18
ТАИНСТВЕННЫЙ МІРЪ.....	26
МІРЪ ВЫСШЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ.....	46
ЦАРСТВО ГРОМОВЕРЖЦА.....	77
ЦАРСТВО БОГА СУДЬБЫ.....	101
ОПРОКИНУТЫЙ МІРЪ.....	135
ПОГРАНИЧНЫЙ МІРЪ.....	139
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	141

ВСТУПЛЕНИЕ.

Мѣто лѣто! Прекрасная пора времени! Отчего ты слишкомъ коротко?.. Отчего ты, наоборотъ, не стоишь вѣчно, постоянно?.. Какъ были-бы мы, люди, здоровѣе, довольнѣе и счастливѣе, если-бы ты никогда не покидало насъ! Какая, въ самомъ дѣлѣ, необходимость въ этихъ непріятныхъ временахъ года, называемыхъ осенью и зимою?.. Та только, что одно полушаріе планеты станетъ въ неудобное положеніе къ солнцу, и солнце, по этой причинѣ не имѣетъ болѣе возможности посылать ему достаточное количество свѣта и тепла?.. Какая странная причина! А между тѣмъ есть-же такія полосы на планетѣ, которыя никогда не знаютъ осени и зимы! Стало быть вѣчное, постоянное лѣто возможно, какъ возможно для человѣка вѣчное, постоянное счастье, если-бы онъ, предположимъ, былъ такъ уменъ, что сѣмѣль-бы устроить его себѣ... Никакихъ пертурбацій въ нашей прибалтійской природѣ отъ этого-бы не произошло: плоды лишній-бы разъ родились, цвѣты лишній-бы разъ цвѣли, травы и всякіе злаки вѣчно-бы зеленѣли, — а это развѣ худо?!.."

Такъ я думалъ, бродя по прекрасному англійскому парку въ Петергофѣ, въ одинъ изъ темныхъ августовскихъ вечеровъ минувшаго лѣта... Да, и паркъ былъ прекрасенъ, и вечеръ тоже! Солнце давно уже зашло, и вечеръ, а за нимъ и ночь, давно уже окутали все своею темнотою — мягкою, успокоительною, прозрачною... Деревья и кусты преобразились въ таинственные существа, къ которымъ жутко било подойти, песокъ аллей и дорожекъ смутно бѣлѣлъ между ними, въ прудахъ и ихъ протокахъ отражалось далекое звѣздное небо, такое спокойное, такое таинственное и завлекающее, какъ непрочитанные еще нами поэма или романъ, о которыхъ много дивнаго и необычайнаго наговорили намъ... Да оно и на самомъ дѣлѣ романъ или поэма, — это звѣздное небо, — и романъ обширный, чудный и таинственный, который давно мы пытаемся прочесть, но не можемъ, потому что слишкомъ мало понимаемъ языкъ, на которомъ онъ написанъ!.. И какъ жаль, когда подумаешь, что, кажется, еще не скоро научимся мы понимать его трудный, чрезвычайно богатый словами и оборотами языкъ!..

Я все шолъ и шолъ, не спѣша никуда, безопасно, не думая ни о чемъ житейскомъ, о которыхъ въ такіе славные часы грѣшно и думать!.. Я перешелъ за желѣзную дорогу, прорѣзывающую паркъ съ востока на западъ, и очутился на «Заячьемъ проспектѣ»,... «Заячій проспектъ»! Не думайте читатель, небывавшій въ Петергофѣ, что это и въ самомъ дѣлѣ «проспектъ»: совсѣмъ нѣтъ, — это такая-же аллея изъ деревьевъ, какъ и во всякомъ паркѣ или саду, а не улица состоящая изъ домовъ! Я всегда находилъ, что новѣйшая администрація Петергофа такъ зарвалась впередъ, что опередила даже прогрессъ, въ силу котораго, вѣроятно, еще не скоро петергофскіе парки и сады будутъ вырублены, и на мѣстѣ аллей и дорожекъ водворятся *дѣйствительные* проспекты, улицы и переулки... Неизвѣстно только, желателенъ-ли будетъ *подобный* прогрессъ!.. Изъ «Заячьяго проспекта» я свернулъ въ «Заячій переулокъ» и пошелъ дальше, на югъ, на самый конецъ англійскаго парка: меня всегда тянетъ въ эту южную сторону, потому что тамъ, за паркомъ, мѣстность возвышается и образуетъ такъ-называемый «Бабій гонъ», съ котораго открывается восхитительная панорама: весь Петергофъ виденъ бываетъ, видно море, а за нимъ и Петербургъ!.. Въ ясную погоду, это такая дивная картина, за которую многое можно простить малопривлекательному прибалтійскому климату!

Вечеромъ, да еще темнымъ, нельзя было, разумѣется, ничего особеннаго увидѣть, взойдя на эту высоту; но я все-таки шолъ, потому что мѣстность, сама по себѣ, чрезвычайно привлекательна. Я уже вступилъ на «Садовую улицу» (куда привелъ меня «Заячій переулокъ»), но, проходя мимо одной дачи, невольно остановился и оглядѣлся: да, это была она, эта замѣчательная дача, которую я много разъ видѣлъ днемъ, проходя мимо, и которую никогда не могъ вдоволь налюбоваться...

Дача весьма красива и оригинальна: она изображаетъ собою средневѣковой замокъ — съ зубчатыми башнями, съ бойницами, съ узкими окнами, съ подъемными мостами... Все это, конечно, изъ дерева построено, — каменный только фундаментъ. Передъ фасадомъ дачи обширный дворъ, а позади — садъ, тоже просторный, съ вѣковыми соснами и елями, — частичка, однимъ словомъ, англійскаго парка, выдѣленная изъ него-же. Но интереснѣе всего, для меня лично, то, что на одной изъ башенъ утверждена громадная зрительная труба, направленная не на окрестности, а на небо: башня, такимъ образомъ, является чѣмъ-то въ родѣ астрономической обсерваторіи.

Но самъ владѣлецъ дачи еще интереснѣе... Про него рассказываютъ разныя эксцентричности, и общее мнѣніе то, что онъ почти помѣшанный человѣкъ... Каждое лѣто, напримѣръ, онъ *собственноручно* (какъ говорятъ) приклеиваетъ огромный и подробный билетъ у воротъ о наймѣ дачи, — и никогда ни съ кѣмъ изъ желающихъ нанять не могъ до сихъ поръ сойтись въ цѣнѣ: всегда требуетъ громадную сумму, — что-то въ родѣ 2000, и не хочетъ уступить ни копѣйки!.. Вслѣдствіе этого, живетъ всегда одинъ на своей дачѣ, не держитъ даже прислуги при себѣ лично: старуха, жена дворника, готовитъ ему обѣды и въ комнатахъ у него убираетъ, а дворникъ, кромѣ своей спеціальной обязанности, смотритъ также за лошадей его и экипажемъ, и ѣздитъ съ нимъ въ качествѣ кучера... Впрочемъ онъ рѣдко выѣзжаетъ, выходитъ еще рѣже; и проводитъ все свое время, какъ утверждаютъ, то на обсерваторіи, то въ кабинетѣ и въ смежной съ нимъ столовой, которую онъ превратилъ въ столярную мастерскую...

II.

Я никогда не видѣлъ этого необыкновеннаго человѣка, поэтому можно судить о моемъ изумленіи, когда вдругъ, совсѣмъ неожиданно, услышалъ громкое: «Добрый вечеръ!», обращенное, повидимому, ко мнѣ... Тогда только я разглядѣлъ, на сколько позволялъ сумракъ вечера, что за рѣшотчатою оградой дачи кто-то стоялъ, маскируемый окружающими деревьями, и, казалось, наблюдалъ за мною... Я не зналъ, что мнѣ отвѣтить, — такъ мнѣ показалось страннымъ и внезапнымъ это привѣтствіе, — и сдѣлалъ только шагъ назадъ, съ намѣреніемъ поскорѣе пройти мимо, скрыться: я нашелъ нескромнымъ мое слишкомъ можетъ быть долгое разсматриваніе дачи, да еще — въ ночное время... Но стоявшій за оградой повторилъ свое привѣтствіе и продолжалъ:

— Не угодно-ли вамъ будетъ *подробнѣе* осмотрѣть дачу... если только вы наниматель?..

— Нѣтъ, я не наниматель, — отвѣтилъ я: — я просто люблю вашу дачу, и только...

— И прекрасно! — продолжалъ хозяинъ (это былъ онъ): — Наскучили мнѣ, правду сказать, эти наниматели! Да и какой теперь наемъ, — въ концѣ лѣта?.. Тѣмъ болѣе прошу васъ — зайдите! Зайдите, не церемоньтесь! мнѣ кажется, что я васъ даже знаю нѣсколько!

И онъ прелюбезно открылъ калитку настежь... Я вошелъ во дворъ дачи, и мы крѣпко пожали руки другъ другу и назвали себя по именамъ... Когда я сказалъ свою фамилію, онъ воскликнулъ:

— Ну вот! Я такъ и думалъ, что это вы! Представьте себѣ, я васъ уже нѣсколько разъ видѣлъ прежде проходящимъ мимо меня и пытливо смотрящимъ на мою обсерваторію!.. Кромѣ того, я давно уже знакомъ съ вашею статьею «О лунѣ», такъ какъ состою подписчикомъ журнала «Сѣверъ»... Думаю: «Непремѣнно это долженъ быть *онъ*: не даромъ-же всякій разъ такъ внимательно смотритъ на обсерваторію, когда идетъ мимо!» И догадки мои блестящимъ образомъ подтвердились! Очень, очень радъ узнать васъ поближе!

— Я также не менѣе радъ!— искренно отвѣтилъ я. Мнѣ сразу понравился этотъ странный человѣкъ, оказавшійся потомъ превосходнѣйшимъ изъ людей.

Черезъ подъемный мостъ мы взошли сперва на крыльцо дачи (она въ самомъ дѣлѣ окружена была рвомъ съ водою, какъ какой-нибудь старинный замокъ), а потомъ, черезъ прихожую, проникли въ кабинетъ хозяина. Комнаты были просты, то-есть въ современномъ вкусѣ, и только своими узкими, длинными и остроконечными окнами напоминали старину; отдѣланы-же и убраны были такъ, какъ комнаты во всякой дачѣ, то-есть прилично и комфортабельно; никакой роскоши, ничего изысканнаго нигдѣ не замѣчалось. Хозяйскій кабинетъ былъ просторенъ и глядѣлъ двумя окнами во дворъ и однимъ въ садъ; мебель его была мягкая, удобная; но большой письменный столъ не былъ заваленъ ни книгами, ни разными бумагами, какъ это можно видѣть въ каждомъ кабинетѣ, а тѣ и другія чинно покоились на полкахъ, непосредственно придѣланныхъ къ стѣнамъ. Одинъ только шкафъ замѣчался въ заднемъ углу,— гардеробный, какъ потомъ оказалось.

Но наружность самого хозяина была замѣчательнѣе всего: слыша о немъ рассказы до этого случая и не видавъ его ни разу, я представлялъ его себѣ старымъ чудакомъ съ самой некрасивой, отталкивающей наружностью, нелюдимымъ и скупцомъ (рассказывавшіе о немъ также никогда не видали его); и вдругъ оказалось, что передо мною не старый и безобразный субъектъ, опустившійся физически и нравственно, одичавшій въ своемъ вѣчномъ одиночествѣ, а, напротивъ, красивый и статный мужчина лѣтъ 40, высокаго роста, умѣренной полноты, съ черными выющимися волосами, образовавшими только самую незначительную лысинку на макушкѣ, съ такою-же черною окладистою бородою, содержимою въ отмѣнномъ порядкѣ, съ большими темными глазами, съ бѣлымъ и румянымъ лицомъ, почти юношески свѣжимъ, съ артистически сложенными руками, и одѣтый прилично, къ лицу, даже щеголевато!.. Взглядъ, улыбка и голосъ дополняли остальное и дѣлали его въ высшей степени симпатичнымъ, сразу располагающимъ къ себѣ человѣкомъ.

Когда мы сѣли въ спокойныя кресла у письменнаго стола онъ мнѣ сказалъ:

— Да, я читалъ вашу статью «О лунѣ»: она недурна, читается съ интересомъ... Но въ такомъ изданіи, какъ «Сѣверъ», нельзя обстоятельно трактовать о подобныхъ предметахъ,— мѣста слишкомъ мало... Отчего вы не пишете дальше въ этомъ родѣ?..

— То-есть о другихъ планетахъ?— спросилъ я...

— Да... Напримѣръ о Марсѣ, о Венерѣ, о Меркуріи и такъ далѣе?..

— Откровенно говоря, — отвѣтилъ я — источниковъ не имѣю подъ руками...

— А хотѣли-бы имѣть ихъ?..

— Отчего-же нѣтъ?.. Въ особенности если-бы можно было достать безъ большой потери времени и... денегъ!

— Хорошо! Мнѣ кажется, что я могу доставить вамъ эти источники... Я самъ любитель того, что называютъ «популярной астрономіей», почему и обращаю всегда вниманіе на статьи въ родѣ вашей... Кромѣ того, у меня существуетъ нѣкоторая рукопись, которая можетъ быть полезнаю вамъ... Вотъ она! Авторъ этой рукописи — я. Тутъ всякія